

Сердце Стефани забилося быстрее, когда шаттл приземлился. Столько всего произошло за последние три месяца — и столько всего должно было произойти. Требования к её курсовой работе уже казались нереальными, особенно перед лицом предстоящих проблем.

Когда началась высадка, Стефани немедленно заметила, что сила тяжести изменилась. На мгновение она подумала о включении своего антигравита, но отбросила эту мысль. Львиное Сердце издал проникновенное "мяу" и махнул настоящей рукой, показывая, что он тоже ощутил изменения.

Родители Стефани и Карл болтали, собирая сумки, началось общее движение к выходу. На каком-то уровне Стефани принимала участие во всём этом, но большая часть неё была сосредоточена на том, что произойдет через несколько мгновений. Андерс пообещал, что будет там, чтобы встретиться с ней, но она внезапно занервничала. Что, если его там не будет?

Но Андерс там был, высокий и худощавый, его пшеничного цвета волосы были зачёсаны назад и забраны, как обычно, в хвост, а тёмно-синие глаза смотрели пристально. Его лицо озарилось улыбкой, когда он заметил её в очереди. Он бросился вперед.

— Стеф! Добро пожаловать домой!

Андерс обнял её, затем повернулся и поприветствовал старших Харрингтонов. Родители, братья и сёстры обнимали Карла, поэтому молодые люди решили пожать руки поверх разных тёмных голов.

— Мы с твоим папой можем дождаться багажа, Стефани, — игриво сказала Марджори Харрингтон. — Если Андерс хочет подвезти тебя и Львиное Сердце домой, вы можете ехать.

Не дожидаясь ответа Стефани, Андерс забрал её ручную кладь у её отца, оставив переноску Львиного Сердца Стефани. — Спасибо!

Стефани подумывала выпустить Львиное Сердце прямо сейчас, но древесный кот обязательно привлёк бы внимание. Лучше было бы подождать, пока они не выйдут на улицу. Она помахала Карлу.

— Пока!

На Карле теперь было надето что-то вроде самодельной бумажной короны. Он робко улыбнулся ей. — Пока...

Снаружи воздух был свежим, пронзительно осенним, каким он не был, когда Стефани уезжала на Мантикору. Или изменения, которые она почувствовала, были просто контрастом между планетами? Львиное Сердце определенно чувствовал это. Когда она выпустила его из переноски, он обвил себя хвостом, а затем прыгнул в аэрокар.

— Он действительно потерял много шерсти, — сказала она задумчиво, пытаясь скрыть свою внезапную нервозность. Одно дело – писать парню почти каждый день. Другое дело наконец-то остаться с ним наедине. — Интересно, стоит ли мне подарить ему свитер?

Андерс засмеялся. — Если да, не позволяй доктору Идальго увидеть кота в нём.

— Точно! — Стефани тоже рассмеялась: и Андерс, и Джессика писали ей о приверженности доктора Идальго к первобытным культурам. — Я полностью за то, чтобы позволить древесным котам жить так, как подобает древесным котам, но не до такой степени, чтобы позволить Львиному Сердцу заболеть. — Она скользнула на пассажирское сиденье. — Как себя чувствовал Выживший, когда вы отвезли его домой? Он тоже потерял много меха, не так ли?

— Скотт и Ирина чувствовали себя то же, что и ты, — сказал Андерс. — Они отправили его домой с парой курток, которые сшили вместе. Древесный кот сможет расстегнуть все застёжки, поэтому Выживший может носить их на своё усмотрение.

— Это хорошо. Возможно, мне тоже стоит позвонить по комму, чтобы получить выкройку, и сшить пару курток для Львиного Сердца.

Андерс согласно кивнул, но Стефани охватила тревога. В его чертах было что-то напряжённое. Она не могла не заметить, что его рука не дотрагивалась до её руки, как это бывало раньше. Её ощущение, что что-то шло не так, не помогло, когда Львиное Сердце запрыгнул на спинку сиденья и обвил хвостом её шею, вместо того чтобы как обычно мяукать, чтобы ему открыли окно.

— Стеф, — сказал Андерс, прикусив нижнюю губу. — Нет лёгкого способа сказать это, поэтому я просто буду честен. Я... я люблю другую.

— Джессика. — Ответ был настолько очевиден, что Стефани даже не пришлось гадать. Болезненное чувство заполнило её живот, затем последовала вспышка гнева. Как они могли её предать? Она любила их обоих, хотя и по-разному. Она им доверяла... А потом, как только она повернулась спиной, они обернулись против неё!

— Не знаю, — сдержанно продолжил Андерс, — любит ли меня Джессика. Я знаю, что я ей нравлюсь, но... Она держалась на расстоянии с тех пор, как я рассказал ей о своих чувствах. Это было после того, как в неё вцепился Атакующий Кот.

Аэрокар был на автопилоте, но Андерс смотрел на дисплей своего шлема так, как будто он летел сквозь шторм. Он понурился. — Я чувствую себя абсолютным идиотом, говоря тебе это тогда, когда ты даже не ступила обратно на планету, но я подумал, что держать это в себе и вести себя так, как будто ничего не изменилось, было бы хуже.

К удивлению Стефани, Львиное Сердце потянулся, чтобы погладить Андерса по руке. На мгновение она почувствовала вспышку ревности. Потом она поняла. Львиное Сердце

мог чувствовать эмоции Андерса — а это означало, что боль, которую она видела на его лице, была искренней. Он не играл. Он действительно чувствовал себя ужасно.

— Я не знаю... — Она справилась с собой. — Я не знаю, что сказать.

— Ага, — сказал он, молча пожимая плечами. — Послушай, не вини Джессику. Она не поощряла меня или что-то в этом роде. Мы не встречались или типа того... Я держал свои чувства при себе... Потом она была вся в крови, ей чуть не выкололи глаз... Ты говорила о том, что чувствовала, когда на Львиное Сердце напали... Я... я больше не мог лгать себе. И я бы никогда не солгал тебе.

Стефани прислушалась к себе, задаваясь вопросом, было ли это необычайное спокойствие, которое она чувствовала, заслугой Львиного Сердца, но она так не думала. Она могла чувствовать его здесь, бдительного, внимательного, готового вмешаться, если он ей понадобится, но древесный кот, казалось, понял, что есть вещи, с которыми ей приходится иметь дело без того утешения, которое он так легко предлагал.

— Я... Поговори со мной... Я в замешательстве.

— Я тоже. О чём ты хочешь поговорить?

— Со мной что-то не так? Ты все ещё мой друг? А Джессика? Я... мне кажется, что мой мир пропустили через блендер, и всё теперь приняло странную форму. Думаю, я рада, что ты был честен. Я знаю, но не могу... — Она почувствовала, как по её щекам текут горячие крупные слёзы. — Просто поговори со мной.

Он заговорил. Сначала медленно, потом подробнее. В конце концов, она тоже заговорила. О том о сём, о будущем и о прошлом. Он все ещё думал, что она великолепна. Джессика тоже. Он разрывался между ними...

Был ли момент, когда вмешался Львиное Сердце, позволив Стефани почувствовать, насколько потерянным и сбитым с толку чувствовал себя Андерс? Она не знала, но всё это время кот держался рядом, обвивая её своим пушистым хвостом.

Лазающему Быстро не нужно было понимать шум изо рта, чтобы разобраться в причинах эмоциональных бурь, между которыми он оказался. На следующий день, когда он и Погибель Клыкостой Смерти подошли к месту сбора двуногих и встретились с Открытой Ветрам и Разгребателем Грязи, его друг наполнил его деталями, которые Лазающий Быстро не смог уловить из мыслесвета Погибели Клыкостой Смерти.

После того как Разгребатель Грязи показал ему нападение Бича Пловца на Открытую Ветрам и

Проворные Пальцы, он произнёс: <Я знал, что и Открытая Ветрам, и Отбеленный Мех испытывали друг к другу чувства, выходящие за рамки того, что они признавали. Я понятия не имел, как это всё будет разрешено. Я знаю, что никто из причастных к этому сейчас не полностью счастлив, и этим двуногие, безусловно, сильно отличаются от Народа — когда дело касается распознавания их собственных чувств, а тем более чьих-то ещё. Но я не могу избавиться от чувства, что в конце концов это всё — к лучшему.>

Лазающий Быстро задумчиво жевал пучковый стебель, который ему дали. Может быть, из-за того, что он был дома: его вкус был намного лучше, чем в Горячих Землях.

<По крайней мере, Открытая Ветрам и Погибель Клыкастой Смерти не расстались в гневе. Если они выдержат это, я думаю, их дружба будет крепче, чем раньше. А теперь расскажи мне побольше о том, что произошло между кланом Окутывающих Деревья и Безземельным кланом. Я знал даже в Горячих Землях, что Погибель Клыкастой Смерти была обеспокоена, а движущиеся изображения, которые она показывала мне, говорили, что это произошло из-за событий среди Народа, но это всё, что я узнал.>

Также методично, как если бы он обустроивал один из своих садов, Разгребатель Грязи начал с того, как обнаружил тело, которое, как он теперь знал, принадлежало Красному Утёсу, и своего первого прикосновения к Зоркому Глазу. Он вплёл то, что позже узнал от Зоркого Глаза и Проворных Пальцев, так что к тому времени, когда Лазающий Быстро всё это усвоил, он получил лучшее представление о событиях, чем те, кто был непосредственно вовлечён в них.

<Я обязательно поговорю обо всем этом с Поющей Истинно>, сказал Лазающий Быстро. <И она точно так же будет настаивать на своей помощи. И Погибель Клыкастой Смерти вчера вечером отвезла меня осмотреть её летающую штуку, на которой, как она мне сказала, она собирается отвезти меня навестить Яркую Воду. Думаю, она хотела, чтобы я понял, что завтра мы туда полетим.>

<Я уже разговаривал с Яркими Впечатлениями>, сказал Разгребатель Грязи. <Открытая Ветрам хотела избежать Отбеленного Меха — я думаю, что она хотела лучше разобраться в своих чувствах, прежде чем снова увидеть его — поэтому мы нанесли длительный визит моему клану, и я воспользовался возможностью, чтобы уладить дела. Теперь нам нужно посмотреть, будут ли двуногие действовать так, как мы ожидали.>

<Если они этого не сделают,> уверенно сказал Лазающий Быстро, <тогда мы найдем способ заставить их действовать. Но я не думаю, что нам придётся зайти настолько далеко. Я не могу говорить с Погибелью Клыкастой Смерти как с одной из нас, но я чувствую, когда она строит планы и интриги. Даже когда она печалится, я чувствую эти ощущения.>

Он потянулся к ещё одному пучковому стеблю, ожидая, что Погибель Клыкастой Смерти отберёт его, потому что он уже съел их больше руки, но она оставалась сосредоточенной на своем разговоре с Открытой Ветрам. Он мог только надеяться, что хотя бы часть этого разговора будет о голодающем Народе, а не только об одном юном двуногом со светлыми волосами.

— Джессика позвонила мне по комму, — сказал Карл, подхватив Стефани по дороге на встречу с главным рейнджером Шелтоном. — Значит, тебе не нужно мне ничего рассказывать. Она сказала, что с тобой тоже разговаривала.

— Разговаривала, — согласилась Стефани. — Пару дней назад мы пили коктейли в кафе "Красная Буква". Мы решили не позволять парню мешать нашей дружбе. Я имею в виду, она не виновата в том, что чувства Андерса изменились.

Карл вздохнул. — Стеф, я никогда не рассказывал тебе о Сумико, правда?

Стефани моргнула, поражённая сменой темы. — Ну, я кое-что знаю. Она ведь жила с твоей семьёй? Кое-что рассказывала Ирина... Я думаю, она была твоей девушкой. И она... она погибла в результате несчастного случая.

Карл кивнул. — В основном, да. Но я собираюсь рассказать тебе кое-что, о чём никто не знает — никто: ни моя мама, ни мой папа, ни кто-либо ещё.

По тонкой струйке эмоций, втекающей в неё через Львиное Сердце, Стефани могла сказать, что это было очень важно для Карла, поэтому она не стала говорить что-нибудь банальное: "Если ты действительно хочешь" или "Я не хочу любопытствовать" — все те "дружелюбные" фразы, которые люди говорят, когда на самом деле они подразумевают: "Не пытайся поделиться со мной своей болью".

— Продолжай. Я слушаю.

— Сумико переехала к нам жить после того, как вся её семья погибла во время чумы. Мои родители официально удочерили её. Мы с Суми были довольно близки по возрасту. Я был всего на несколько месяцев старше. Поскольку владения наших семей граничили, мы знали друг друга всю жизнь. Какое-то время это было похоже на то, что у меня появилась ещё одна сестра, но когда мы стали старше...

Он сделал паузу и внёс несколько ненужных поправок на панели аэрокара. Стефани затаила дыхание, не желая разрушить момент.

— Я не знаю, кто первый начал считать, что мы поженимся, когда станем постарше. Мне кажется, что это началось с того, что взрослые пошутили, как они это делают, когда думают, что дети слишком малы, чтобы воспринимать их всерьёз. Дело в том, что мы восприняли их серьёзно. Мы обсуждали это, когда были одни. Будем ли мы жить в доме, который построила её семья, или построим свой собственный, и всё такое...

Карл тяжело сглотнул. — Когда мне исполнилось пятнадцать, Суми стала по-настоящему

серьёзной. Может, это потому, что девушки взрослеют быстрее парней или типа того. Я не знаю. Она хотела, чтобы мы были обручены или хотя бы помолвлены. Я не был против. Я имею в виду, женитьба на Сумико была такой же частью моей будущей жизни, как и поездка в Лэндинг для учебы в колледже. Но я действительно хотел поступить в колледж, и я не хотел жениться и создавать семью до того, как закончу обучение.

— Ох...

Карл торопливо продолжил. — В тот день, когда мы с Суми катались с детьми на санках, у нас был конфликт. Она намекала, что думала, что я подарю ей обручальное кольцо на её пятнадцатилетие. Я прямо сказал ей, что не стану этого делать и что я думаю, что в восемнадцать будет лучше — тогда мы оба станем совершеннолетними по закону. Это не было бы ребячеством.

— Сумико была в ярости: она сказала, что её чувства — это не ребячество, что она любит меня, и если я недостаточно люблю её, чтобы дать ей дурацкое обещанное кольцо, тогда...

Карл крепко сжал кулаки, но слова рвались наружу. — В правильном мире мы, скорее всего, придумали бы способ выйти из ситуации, остыть. А затем мы бы помирились. Но мы давали обещания детям и поэтому, всё ещё очень рассерженные, мы разошлись. Оглядываясь назад: мы, вероятно, не должны были этого делать. Ветви деревьев тяжко просели из-за снега, и мы не были слишком юны, чтобы не знать, что погода была опасной. Но ведь если бы мы отступили, это бы выглядело так, как если бы один из нас сдался.

— Наверное, потому что я был так взбешён, я не увидел, что одна из ветвей королевского дуба, под которым каталась моя сестра Ларисса, прогнулась. Но Суми это сделала. Она выкрикнула предупреждение и побежала изо всех сил, вытолкнув Лариссу из зоны поражения... Но сама Сумико убежать не успела. Ветка упала на неё с высоты более ста метров.

Стефани увидела это в своём воображении: оторвавшаяся ветвь королевского дуба, раздавленная хрупкая черноволосая девушка. Она слишком хорошо знала, как тяжёлые предметы могут падать при сильной гравитации.

Карл продолжил твёрдым голосом. — Я кричал, чтобы кто-нибудь позвал на помощь. Я побежал и оттащил ту ветку дерева, но больше ничего не смог сделать. Грудь Сумико была раздавлена, лёгкие пробиты. На её губах была кровь. Она сказала что-то о наших, по крайней мере, шестерых детей, что любит меня, а потом... умерла.

Карл теперь плакал, его спокойный, сдержанный тон пугающе контрастировал со слезами, катившимися по его щекам. — Она была мертва, и это я убил её. Убил её потому, что не захотел дать ей глупое кольцо, которое сделало бы её счастливой.

— Карл... ты этого не делал! Это не твоя вина...

Карл одарил её кривой ухмылкой. — Ага. За исключением того, я чувствовал себя виноватым. Всё ещё чувствую. Не было дня, в который я бы не думал о случившемся, не прикидывал, как всё могло бы сложиться. Когда мне исполнилось восемнадцать, я осознал, что в этом году я мог бы подарить Сумико её кольцо... И я также понял, что, возможно, я бы этого не сделал. Я имею в виду, что люди сильно меняются. Три года? Могли бы детские мечты длиться так долго? Я не знаю.

Стефани сдерживала слёзы. — Детские мечты? Вот почему ты мне это говоришь? Из-за Андерса?

— Отчасти. — Карл посмотрел прямо на неё. — Может быть, по другим причинам. Может быть, потому что я начинаю готовиться отпустить призрак. Слушай, я не думаю, что то, что ты чувствовала — чувствуешь — к Андерсу, ненастоящее, но правда в том, что большинство людей не остаётся с первым человеком, в которого они влюбляются. Даже если они остаются — не все такие отношения складываются удачно. Я наконец-то принимаю, что даже если бы мы с Суми поженились, возможно, все было бы не так прекрасно, как мы мечтали.

— И, может быть, — медленно проговорила Стефани, — если бы Андерс не влюбился в Джессику, что-то ещё могло бы нас разлучить. Тем не менее, должны быть более простые способы быть брошенным, чем когда твой парень влюбляется в твою лучшую подругу.

Карл ткнул её длинным пальцем. — "Твою?". Знаешь, они на самом деле принадлежат не только тебе. И ты принадлежишь не только им. Независимо от того, какие слова ты используешь, у Джесс и Андерса есть жизни за рамками твоих с ними отношений. И ты бы не ввязалась в эти отношения, если бы не думала, что они оба были замечательными людьми, верно? Представь, как бы ты себя чувствовала, если бы Андерс бросил тебя ради Труди!

Стефани обнаружила, что хихикает. — Я понимаю, что ты имеешь в виду. Ладно. — Она внезапно помрачнела. — И, эй, Карл... Спасибо. Я никому не скажу.

Карл кивнул в знак признательности. — На самом деле, я думаю, что пора рассказать об этом моей семье. Может, начну с Ирины. Она довольно понимающая. Пора мне перестать пестовать эту тень в моем сердце. Сумико заслуживает большего, чем воспоминания о её последних часах жизни.

Стефани кивнула. — Я тоже так считаю. Я думаю, ты знаешь, что ей бы это, наверное, очень понравилось.

— Итак, по сути, — сказал главный рейнджер Шелтон, — вы хотите переселить целый клан древесных котов. Вы просто даете СЛС возможность выбрать, куда именно.

Стефани чувствовала, что это была ещё одна проверка — из тех, где от её ответа зависело

гораздо больше, чем итоговая оценка.

— Ну, сэр, это довольно сложно. Во-первых, есть прецедент: СЛС перемещала остатки клана, к которому принадлежал Приблуда.

— Да, но в том случае, — ответил Шелтон, — древесным котам угрожала опасность из-за действий человека. В этом случае пожары были полностью природными.

Карл указал на голографическую карту, которую они принесли с собой. — Сэр, здесь люди тоже задействованы. Не как причина пожаров, а косвенно. Посмотрите, сколько возможных областей заблокировано человеческими поселениями.

— Мнение принято, — сказал Шелтон. — И всё же, почему СЛС должна вмешаться?

Стефани глубоко вздохнула. — Что ж, сэр, как я уже сказала, это сложно. Если древесные коты — животные, то этот конкретный клан проживает на Землях Короны, что делает их собственностью Короны. Если мы просто переместим их, скажем, в пространство во владении лёна Харрингтонов или на земли семьи Карла, тогда мы окажемся ворами. Мы не хотим этого.

— Я испытываю огромное облегчение. Продолжай.

— Если, однако, как множество людей...

— Включая некоторых членов Фонда Эдера, — услужливо вставил Карл с невинным видом, который никого не обманул.

Стефани свирепо глянула на него. — Если, как некоторые люди, кажется, думают, древесные коты разумны, то у них должно быть право передвигаться туда, куда они хотят, до тех пор пока то, куда они идут, не мешает другим людям. Я имею в виду, что если коты — это люди, а не собственность, то их нельзя украсть. Если бы, скажем, Чет припарковал свой грузовик и в него вошла куча котов, а потом он бы их подвёз, это не было бы кражей, верно?

— Возможно, миз Харрингтон, позволить вам пройти эти юридические курсы было не самой удачной идеей. В вас есть задатки доморощенного юриста. — Главный рейнджер Шелтон сцепил пальцы и задумчиво посмотрел на своих двух временных рейнджеров. — Тем не менее, это интересная точка зрения. Я прочёл промежуточные отчёты как экспедиции доктора Уиттакера, так и команды доктора Радзински. Определённо, весы склоняются в пользу того, чтобы считать древесных котов разумными хотя бы отчасти.

Карл кивнул. — Мы тоже прочли их. Должен сказать, сэр, при всем уважении я думаю, что вопрос о разумности решён. Уровень обсуждения сейчас совсем другой. Доктор Уиттакер выступает за более высокий рейтинг разумности. Доктор Радзински приводит доводы в пользу более низкого уровня, тем более, что нет никаких доказательств того, что древесные

коты обладают какой-либо формой письма или даже сложным разговорным языком.

— Я полагаю, — сказал Шелтон, — что препирательства будут продолжаться ещё долго. И даже когда учёные предоставят свои документы, вопрос о правовом статусе древесных котов займёт ещё больше времени.

Он сидел в задумчивой тишине достаточно долго, чтобы только успокаивающее присутствие Львиного Сердца останавливало Стефани от беспокойства.

— Тем не менее, я думаю, что для всех будет лучше, если в данном случае мы ошибочно примем позицию протекции, — сказал он наконец. — Мы не хотим, чтобы будущие поколения осудили нас за то, что мы сознательно позволили целой разумной группе — даже самой примитивной — замёрзнуть и умереть от голода из-за нашего бездействия.

Он вздохнул. — Я имею в виду, мы же подбрасываем сено оленям и оставляем его вилорогам. Единственное отличие нашей ситуации от типовой — это проблема вмешательства...

— в дела примитивного коренного населения, — хором произнесли Стефани и Карл, испытывая лёгкую эйфорию от облегчения.

— Да. Именно поэтому я думаю, что кроме предложений по местам обитания было бы лучше, если бы СЛС официально не участвовала в этом. Судя по изображениям, которые прислали Андерс и Джессика, этот клан Тоших Котов довольно мал. Не могли бы вы сделать так, чтобы, скажем, грузовик Чета и несколько других транспортных средств были в этом районе в день, о котором мы договоримся позже? Я позабочусь о том, чтобы никто из вас не был в списке дежурных в тот день. На самом деле, это могло бы быть хорошим временем, чтобы организовать экскурсию для всех наших антропологов куда-нибудь подальше...

— Есть, сэр!

— Андерс не расскажет об этом своему отцу?

— Тот еще не знает, сэр, — сказала Стефани, — а Андерс с Джессикой знают об этой ситуации дольше всех. Кстати, если вы не знали, вчера они отвезли Выжившего обратно в его клан.

— Да, я слышал. Хорошо, начинаем наше мероприятие. Эти карты сужают возможные районы переселения, но нам нужно убедиться, что предполагаемые места действительно необитаемы. Наймите Джессику Ферисс и Скотта МакДаллана, чтобы они нам помогли — нам понадобятся Рыболов и Храбрец, чтобы помочь в разведке, поскольку древесные коты хороши в прятках от людей. Я буду на связи. А вы свободны.

Стефани вскочила на ноги. Она была на полпути к двери, когда повернулась и импульсивно

выпала:

— Спасибо, сэр. Надеюсь, я смогу стать хотя бы наполовину таким же хорошим рейнджером, как вы.

Главный рейнджер Шелтон улыбнулся. — Идите. Нам нужно выполнить задачу.

Зоркий Глаз ожидал, что странное чувство смещения, которое он испытывал с тех пор, как был ранен Бичом Пловца, исчезнет, когда он снова окажется дома со своим кланом, но обнаружил, что оно всё ещё присутствовало. Даже когда он узнал, что его не бросили, что его безнадежно зовущий мыслеголос был услышан и группа вышла за ним, когда летающая штука приземлилась, — но он всё ещё чувствовал себя изолированным. Он провёл время с целителями разума, и это всегда помогало, но когда он был один, он осознавал, что вспоминает извращённую жестокость, которую олицетворял Бич Пловца. И жестокость, которая отзывалась внутри него.

Он заверил себя, что всё будет хорошо, когда они переедут на новую территорию. Теперь было ясно, что двуногие планировали помочь клану. Последние несколько дней клан посещали те коты, которые были связаны с двуногими и их партнёрами. Каждый из них нёс с собой отчёт разведчика о местах, которые, как надеялись двуногие, могли служить потребностям клана. Даже отношение Кислого Живота смягчилось, когда он понял, как упорно работали двуногие, чтобы гарантировать, что Безземельный клан больше не будет безземельным.

Двуногие также показали клану изображения всех этих мест — изображения, которые двигались и издавали звуки. Какими бы изумительными они ни были, они давали меньше информации, чем мыслеобразы котов, которые также видели их, но Зоркий Глаз и его товарищи по клану поняли, почему двуногие показали им эти изображения. Они ощутили вопросы и желание в мыслях двуногих и знали, что эти двуногие хотят дать клану выбор из всех возможных вариантов, чтобы клан указал, что им понравилось больше.

В конце концов, клан выбрал место, где качающиеся листья росли высокими в тени сетевых деревьев, так как это напомнило им об их прежнем доме. Местность хорошо орошалась, и там хватало кремня для инструментов и ещё немного твёрдой красной глины, из которой было хорошо лепить. Новая земля располагалась в горах ниже, чем их прежние охотничьи угодья, и не была затронута разрушительными последствиями прошедшего сезона пожаров. Хранение припасов на зиму не было невозможной задачей.

Зоркий Глаз сидел высоко на золотом листе, когда услышал зов Проворных Пальцев. <Я хочу прийти и попрощаться. Также у моего клана есть подарок для тебя. Могу я принести его к твоему центральному гнездовью?>

<Проходи и добро пожаловать.>

Когда Проворные Пальцы пришёл, Зоркий Глаз увидел, что тот уже вполне восстановился после ранений. За исключением некоторых пятен на его шерсти и надрыва на его повреждённом ухе, он выглядел почти так же, как когда они впервые встретились с Зорким Глазом. Проворные Пальцы привёл с собой кошку представительного вида. На мгновение Зоркий Глаз подумал, что Проворные Пальцы привёл с собой свою подругу, но мыслесвет кошки был настолько мощным, что он сразу же понял, кто она такая.

<Это Идеальная Память,> сказал Проворные Пальцы. <Она следующая по старшинству среди младших певиц относительно нашей главной певицы памяти, Сладкоголосой.>

Идеальная Память обратилась ко всему клану. <Я бы очень хотела поехать с вами в ваш новый дом. Поскольку у наших кланов была общая граница, я знаю кое-что из ваших преданий. Я могла бы также научить вашу подающую надежды молодежь, чтобы ваш клан не остался без будущих певиц памяти.>

Её мыслесвет был таким ярким, а её тяга к оказанию помощи была настолько сильной, что не было необходимости в обсуждении. Крошечный Хор рванулась вперед и обняла Идеальную Память, обвив её хвостом в спонтанной радости.

Острый Глаз замурлыкал. Клан нуждался в певицах памяти, чтобы быть кланом настоящего. Он пригладил усы и в знак благодарности похлопал Проворные Пальцы.

Звук одной из летающих штук двуногих прервал празднование. Идеальная Память объявила: <Я чувствую Лазающего Быстро. Он над чем-то хихикает.>

<Он шутник> снисходительно сказал Кислый Живот. <Но в нем нет ничего плохого. Было бы хорошо узнать, что его так развеселило.>

Когда через несколько мгновений летающая штука приземлилась, они обнаружили, что Лазающий Быстро был не единственным котом, который прибыл.

<Это моя сестра, Поющая Истинно, старшая певица памяти клана Яркой Воды. С нею Прядильщица Песен, которая была её наставницей.>

Прядильщица Песен, величественная кошка, высказалась от себя. <С тех пор, как Поющая Истинно зарекомендовала себя как лучшая старшая певица памяти в нашем клане, я надеюсь стать полезной. Могу я присоединиться к вашему клану в его путешествиях? Я много знаю о двуногих. Кроме того, песни нашего клана не должны быть слишком странными для вас, ведь все мы из горных Народов. Я была бы очень рада научить этим песням вас.>

Идеальная Память произнесла от имени клана. <Принятие не одной новой певицы памяти, а двух — огромная перемена. Когда мы возьмём ваши песни и сделаем их своими, мы станем новым кланом. Тем не менее, с учётом всего, через что мы прошли, возможно, это лучший выбор. Есть время держаться за прошлое, но есть время двигаться вперед.>

Среди членов клана прокатилась волна понимания, но не могло быть никаких сомнений в том, что весь клан Качающихся Листьев был взволнован этим вторым многообещающим предзнаменованием для своего будущего.

<Мы рады принять тебя,> сказала Совершенная Память Прядильщице Песен. <Пусть никто из нас не будет старшим или младшим, потому что то, чем мы должны делиться, отличается по наполнению, а не по ценности.>

Прядильщица Песен быстро замахала хвостом в знак радостного приветия. <Да. Давайте будем сёстрами, связанными нашим желанием сделать наш новый клан сильным.>

Радость захлестнула собравшийся Народ. Крошечный Хор подпрыгнула, её разум загорелся удовольствием, смешанным с сияющими полосами облегчения. Зоркий Глаз знал, что котёнок старался изо всех сил, чтобы играть роль певицы памяти, но это было огромной ответственностью даже для взрослого, и поэтому в большинстве кланов певиц было больше одной. Теперь она могла расти и учиться, как и положено котёнку. Зоркий Глаз не сомневался, что когда-нибудь Крошечный Хор станет легендой среди Народа.

Приглядывая за своим радующимся кланом, Зоркий Глаз заметил, что Погибель Клыкастой Смерти стоит рядом с летающей штукой. Тьма напряжения, скрывавшая её мыслесвет, угасала, когда стало совершенно очевидно, что коты клана Качающихся Листьев приветствуют своих новых членов. Позади неё стоял Затеняющий Солнечный Свет. Высокий темноволосый молодой мужчина всегда, казалось, исчезал за сиянием мощного мыслесвета Погибели Клыкастой Смерти, но сегодня...

Зоркий Глаз так сильно затряс головой, что у него захлопали уши. Проворные Пальцы что-то ему сказал, но, хотя они стояли достаточно близко, чтобы коснуться друг друга, Зоркий Глаз почувствовал, как будто внезапное, неожиданное сияние сделало его слепым к другим контактам.

Он помчался вперёд, прыгая с ветки на ветку, пока не остановился в развилке сетевого дерева, ближайшего к Затеняющему Солнечный Свет. Но это был Затеняющий Солнечный Свет, которого он никогда не видел и никогда раньше не пробовал. Его мыслесвет имел тонкие оттенки, которые доходили до Зоркого Глаза и касались его, становясь на свои места, как если бы это были кусочки разбитого горшка, соединяющиеся вместе.

Затеняющий Солнечный Свет поворачивался, вращался, его разум засветился ярче, когда он осознал источник переполняющих его чувств. И снова Зоркий Глаз был впечатлён силой этого молодого двуногого. Погибель Клыкастой Смерти была вспышкой света на воде, солнечным светом, сияющим с неба, безошибочно сверкающей, но Затеняющий Солнечный Свет был силой, которая поддерживала высокие деревья, скалой, несущей на себе вес всей земли.

Зоркий Глаз спрыгнул с ветки сетевого дерева и осторожно приземлился, не выпуская когтей, доверившись, что тот поймает его. Он положил настоящую руку на щеку своего нового

партнёра.

— Мяу! — сказал он.

И когда он почувствовал смех Затеняющего Солнечный Свет, призраки тьмы навсегда ушли из его сердца.

<http://tl.rulate.ru/book/45520/1077104>